

«РУБЕЖ» КАК ИСТОЧНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О НАРОДАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Г.В. Эфендиева, К.И. Родионова

Материалы периодической печати русского Китая (наряду с данными этнографических экспедиций, рапортами и отчетами офицеров и дипломатов, записками путешественников, а также фольклорными текстами и беллетристическими повествованиями) являются важными источниками по истории развития этнографической науки в восточном зарубежье, а также в изучении различных этнографических явлений и процессов, происходивших в Северной Маньчжурии и соседних территориях в первой половине XX века.

Многие русские журналы и газеты, которые издавались в Харбине с начала его основания, публиковали статьи и очерки о жизни Китая и китайцев, а также других стран и народов Восточной Азии. Большую научную ценность в этом плане представляют такие издания, как «Вестник Азии» (1909–1928), «Известия Общества изучения Маньчжурского края» (1922–1928), «Вестник Маньчжурии» (1923–1934), «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов» (1946). Правда, еще в начале XX в. издатели высказывали серьезные сомнения по поводу востребованности у харбинских читателей специальных научных журналов – по причине существовавшего равнодушия широкой публики не только к отвлеченным проблемам жизни Востока, но и к вопросам, затрагивающим повседневные интересы практического общения с ним (о чем, например, писал И.А. Добролюбовский, выпуская в 1909 г. 1-й номер «Вестника Азии»).

Научные статьи, опубликованные в этих журналах, до сих пор не получили серьезного и всестороннего изучения. В широких научных кругах весь этот массив информации остается невостребованным по причине труднодоступности публикаций, неразработанности архивных собраний². О существовании тех или иных работ харбинских востоковедов,

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14–18–00308.

² Исследователи, занимающиеся этнографией Дальнего Востока, в том числе и Маньчжурии, апеллируют к записям этнографов, работавших в Китае в начале прошлого века, но не учитывают другие этнографические данные (газетные статьи, редкие сохранившиеся архивы и др.).

этнографов, археологов можно узнать порой только благодаря коротким цитатам и библиографическим указателям в трудах отдельных ученых¹.

Различные статьи и очерки (в основном популярного характера), рассказывающие о деятельности ОИМК (Общество изучения Маньчжурского края), ОРО (Общества русских ориенталистов) и других организаций, а также раскрывающие быт, нравы, самобытную культуру, религиозные верования и обряды коренных народов Востока, периодически появлялись на страницах газет «Гун-бао» (1926–1937), «Заря» (1920–1938), журнала «Луч Азии» (1934–1945) и др.

Особое место среди изданий, популяризовавших знания о Маньчжурии и прилегающих к ней областей среди читающего эмигрантского общества, занимает журнал «Рубеж» (1926–1945). «Подлинное зеркало русской жизни в Китае», «настоящее сокровище для будущих историков русского Харбина. Где еще можно найти такое живое в словах и фотографиях отражение нашей маньчжурской эпопеи?» – писала об этом еженедельнике харбинская журналистка и поэтесса Ю. Крузеништерн-Петерец².

Действительно, сегодня материалы этого самого популярного и долговечного в русском Китае литературно-художественного издания востребованы специалистами самых разных областей общественных и гуманитарных наук – историками, культурологами, филологами, лингвистами. Для литературоведов этот журнал оказался фактически главным источником собирания поэтических и прозаических текстов, созданных эмигрантами-дальневосточниками. Это не удивительно, учитывая, что одной из причин, побудивших издателей начать выпускать этот журнал, являлось «желание использовать тот художественный литературный материал, который поступал от дальневосточной пишущей братии»; «до возникновения "Рубежа" харбинские поэты и писатели совершенно не имели возможности печататься сколько-нибудь регулярно»³.

Публицистические материалы «Рубежа» (так же как и литературные произведения) содержат разнообразные сведения о Северной Маньчжурии и дальневосточном регионе в целом – его истории и культуре, географии и этнографии. Авторами работ часто выступали не только журналисты, но и известные в Харбине писатели, ученые, краеведы, общественные деятели. Хотя нередко встречаются этнографические очерки и заметки, авторство которых в журнале не обозначено.

¹ См., например, работы А.А. Хисамутдинова о русских востоковедах Китая, в том числе главу «Изучение Китая русскими исследователями из Харбина» в кн.: Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 99–140.

² Крузеништерн-Петерец Ю.В. О «Рубеже» // Русский Харбин. М., 2005. С. 94–97.

³ 500 рубежей // Рубеж. 1937. № 35. С. 1.

Ниже представлена небольшая подборка «рубежных» текстов, содержащих описание быта, нравов, обычаев, традиций, ритуалов некоторых народов Восточной Азии (маньчжуров, эвенков, ороحوнов, монголов, тибетцев). Их авторы по большей части руководствовались личными наблюдениями и впечатлениями. Так, очерк **«В таинственном Тибете»** представляет собой воспоминания харбинского предпринимателя П.В. Михайлова¹ о его путешествии в Тибет. Автор попытался зафиксировать все наиболее примечательное, попадавшееся ему на глаза (особенности природы и ландшафта, народной медицины и костюма, хозяйственного быта и семейного уклада, моральных устоев и религиозных представлений и пр.).

Некоторые статьи и очерки (**«Храм Будды в Харбине»**, **«Священное дерево маньчжур»**, **«Кровь в жертву духам»**) носят описательный характер; теоретические рассуждения и анализ в них сведены к минимуму. Авторам этих материалов не всегда удается проникнуть в суть наблюдаемых явлений.

Другая группа текстов подготовлена на основе изучения полевых отчетов ученых (**«На отрогах Хингана»**) или бесед с руководителями научных экспедиций. Материал И. Кедрова **«Дикари под боком у Харбина»** основан на интервью с немецким профессором В. Штецнером, два года проработавшим в Хэйлуңцзянской провинции и собравшим материал о жизни и быте солонов. Статья **«Века отдают свои тайны»**, подписанная журналистом Арк. Упиинским, содержит в себе краткий отчет известного харбинского археолога и этнографа В.В. Поносова² об экспедиции в Баргу. Для современных исследователей такие обзоры проведенных харбинскими археологами раскопок в Северо-Восточном Китае могут представлять существенный интерес – как с точки зрения истории и историографии археологии региона, так и в качестве ценного источника первичной археологической информации. Это касается и этнографических материалов, собранных харбинскими учеными и путешественниками в районах проживания дауров, ороحوнов, солонов (и представленных в местной прессе), которые до сих пор практически остаются вне поля научного обсуждения³.

¹ Михайлов, Павел Васильевич (?–?) – литератор, предприниматель. В 1930-е гг. совершил несколько поездок в Монголию и Тибет.

² Поносов, Владимир Васильевич (1899–1975) – археолог, этнограф. Жил в Харбине с 1922 г. Член ОИМК. С 1932 г. – сотрудник Харбинского музея, зав. этнологическим отделом. В 1939–1945 гг. – соведующий музеем. Как этнограф много лет изучал орочей и даур, а также районы расселения этих народов, совершив 6 экспедиций. Исследователь шаманства, буддизма, ламаизма и даосизма. До 1945 г. опубликовал на русском и аглийском языках более 30 работ по результатам ежегодных экспедиций в Маньчжурию и Восточную Монголию.

³ Публикацией и изучением статей религиозоведческой и этнографической тематики из харбинских периодических изданий занимаются лишь отдельные ученые. См.: Забияко А.А.

Надеемся, что введение в научный оборот этих и других материалов периодических изданий русского Китая не только расширит источниковедческую базу для изучения истории и этнографии Восточной Азии, но и поможет более детально осветить некоторые вопросы этнокультурных и этномиграционных процессов на Дальнем Востоке, истории русской археолого-этнографической школы в Маньчжурии и ее вклад в отечественную историко-этнографическую мысль¹.

ХРАМ БУДДЫ В ХАРБИНЕ²

Храм Будды (или по-китайски Тзи-ло-сы)³ находится в Харбине недалеко от православного кладбища. Там на фоне святого маньчжурского неба четко вырисовываются купола и кресты православной церкви, а здесь, почти рядом, возносит свои изогнутые узорчатые крыши буддийский храм.

Тзи-ло-сы является одновременно и монастырем.

Несколько десятков монахов живут в этой тихой обители, ежедневно вознося моления Великому Будде.

В свободное от служб время они поддерживают порядок в храмах (в ограде Тзи-ло-сы их три), занимаются садоводством и ремеслами.

Большие ворота с узорной расписной крышей, украшенной точеными символическими фигурками, ведут нас во двор храма-монастыря.

Он засажен молодыми деревьями и устлан тротуарами из светлых плит.

По сторонам от ворот расположены две башни-звонницы.

Они очень эффектны. Башни сложены из темно-серого кирпича, а верхняя их часть (сами звонницы) украшены резьбой и сочетают в себе два ярких цвета – пурпурный и золотой.

На звонницах висят громадные гонги⁴, певуче-заунывный звон которых зовет буддистов к молитве и забвению суеты.

«Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // Религиоведение. 2014. №4. С. 192–202; *Ее же*. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 260–274.

¹ Так как публикации в «Рубеже» зачастую сопровождалась опечатками, а пунктуационные, орфографические и орфоэпические нормы русского языка с той поры изменились, авторы статьи позволили себе деликатную правку только в тех случаях, где это было необходимо.

² Очерк сопровождается фотографиями: «*Большая курильница в ограде Тзи-ло-сы*», «*Звонница. Наверху башни висит большой гонг*», «*Ворота храма Тзи-ло-сы*», «*Один из храмов*», «*Помещение для монахов. Работающий монах*».

³ В современной транскрипции – «Цзилэсы». – *Авт.*

⁴ *Гонг* – древнекитайский ударный инструмент в виде металлического диска.

В трех храмах, расположенных в корпусах одинаковой архитектуры, один вслед за другим, приносятся жертвоприношения и совершаются службы.

У золотой статуи Будды всегда дежурит монах.

В кружку для пожертвований вы опускаете монету.

Монах мягко ударяет в гонг – бамм! – это знак Всесильному о ничтожной жертве ничтожного человека.

У статуй курятся свечи, стоят рис, плоды, – дары верующих.

На вопрос, можно ли сфотографировать статую Будды, – монах отрицательно качает головой.

Выясняется, что фотографирование внутри храма не разрешается.

Изображения богов плодородия, войны и др. очень красочны и стильны.

Лица богов страшны, позы гневны и величественны – смертные должны были страшиться божественных существ.

Раз в год в храме Тзи-ло-сы проходят большие торжественные службы – поминовение усопших.

Три дня продолжаются эти службы, и три дня около Буддийского храма шумит и переливается многотысячная толпа богомольцев.

Звенит человеческий гомон, толпятся молящиеся, гурьбой сходятся нищие и калеки.

В эти дни храм – место скопления густой, пестрой и разношерстной человеческой массы.

Культ предков высоко стоит в китайском быту.

И дни поминовения наглядно подтверждают это.

Кто хочет увидеть подлинное бытовое лицо китайского народа, должен непременно побывать на празднике поминовения усопших в храме Тзи-ло-сы...

Подп.: А. Брауни.

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1928. № 19. С. 5.

ДИКАРИ ПОД БОКОМ У ХАРБИНА

Эти интересные сведения мы приводим по данным известного исследователя, – профессора Дрезденского университета, г. Штецнера, также любезно предоставившего нашему журналу и фотографии к этому очерку из своих обширных фотоколлекций¹.

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Профессор В.Л. Штецнер», «Тип солон», «Солонка в своих праздничных нарядах», «Полный круг солонских богов, во главе с 9-ти головным богом», «Солон-охотник», «Слева – боги в бересте, хранятся на дереве, а рядом изображения этих же богов».

Пределы Северной Маньчжурии покидает вскоре известный немецкий ученый-исследователь, профессор Вальтер Штецнер, прибывший во главе экспедиции, снаряженной Дрезденским музеем этнографии и зоологии для исследования и изучения быта дикого, еще не исследованного племени солонов¹-тунгусов, живущих в первобытных условиях среди культурных народов Хейлундзянской провинции, и недалеко от европейзированного Харбина...

За два года пребывания в Хейлундзянской провинции профессором Штецнером собран весьма обширный и богатый материал о жизни и быте солонов.

Последние месяцы он провел в Харбине, занимаясь обработкой и систематизацией полученного материала.

Теперь, когда весь его большой труд систематизирован и приведен в известный порядок, профессор Штецнер покидает Харбин.

Сотрудник «Рубежа» был принят доктором Штецнером, который любезно поделился своими очень ценными впечатлениями о культе, быте и религиозных обрядностях этого неисследованного племени.

– Вот, взгляните на мою обширную коллекцию редких вещей, – сказал профессор Штецнер, вводя сотрудника «Рубежа» в помещение, сплошь установленное ящиками и какими-то замысловатыми предметами.

– Здесь у меня собрано все, что может полностью осветить быт солонов-тунгусов, живущих всего лишь в 150–200 верстах от города Цицикара.

В больших деревянных сундуках бережно уложены одежды, начиная от одеяния грудного младенца, до особых халатов стариков.

Много места в помещении занимает палатка, в которой живут солонны и зимой и летом.

В углу лежит оригинального образца детская люлька.

Тут же сложены и капканы для ловли лисиц, особое сито для ловли рыбы, самодельное охотничье ружье, кастрюли, чайники, глиняные фляжки, колья и пр.

В особых ящиках сложены разные боги.

Несмотря на большие трудности и опасности, профессору Штецнеру удалось собрать большую и весьма разнообразную коллекцию богов.

О солонских богах «Малю» и о злых духах «Ходемани» профессор Штецнер собрал весьма обширный и ценный материал, который выйдет в свет отдельным изданием на немецком языке.

¹ *Солонны* – тунгусо-маньчжурский этнос, одна из многочисленных групп эвенков. В XVIII в. были расселены в верховьях Амура, по рекам Зее и Аргуни, позже переселились на юг в Маньчжурию и далеко за ее пределы.

Полный круг деревянных богов «Малю», – говорит проф. Штецнер, – состоит из главного бога «Мани», имеющего девять голов, его помощника, солдата и еще десяти фигур.

Эти фигуры изображают: птицу, солнце, луну, звезду, змею, черепаху, половину солдата, голову солдата и лешего.

Этот полный круг богов видит всюду, куда бы ни попал человек, – все, что бы он ни делал.

Так, например, птица видит, что человек делает в воздухе, черепаха – в воде, змея – между скал, леший – в лесу и т.д.

Рты всех богов запачканы кровью животных, которых приносили в жертву им их хозяева.

– По солонскому поверью, – продолжает доктор Штецнер, – человек, обыкновенно, заболевает тогда, когда он не дает есть богу.

Если человек заболел, то призывают шамана, и последний спрашивает у бога, какую жертву надо ему принести, чтобы человек поправился.

Шаман надевает небольшой короткий костюм и два раза бьет в барабан. Затем ожидают, чтобы шаман впал в транс.

Если транса не получается, то бьют в барабан еще раз.

Если и на этот раз шаман не впадает в транс, то зовут другого шамана, третьего и т.д.

У каждого человека имеется свой особый бог – «Када-бурхан».

И вот, когда шаман впал в транс, его Када-бурхан начинает вести переговоры с Када-бурханом больного, и спрашивает, какую жертву надо принести для того, чтобы заболевший выздоровел.

Когда торг между двумя Када-бурханами состоялся, Када-бурхан шамана говорит последнему, что требует Када-бурхан больного.

В зависимости от степени болезни, требуется корова, свинья, козуля, овца, курица и т.д.

Однако солонь народ хитрый.

Когда становится известно, что требуется богу для удовлетворения его аппетита, близкие заболевшего, вместе с шаманом, становятся на колени и торжественно обещают богу принести ему просимую жертву лишь только тогда, когда больной совсем оправится от болезни.

Но и в этом случае они оказываются не так просты, как это кажется на первый взгляд.

Когда больной совсем оправился от болезни, они закалывают нужное животное и приносят бурхану в жертву только «рожки да ножки», а именно: вырезают у животного глаза, уши, нос и копыта и подвешивают их возле изображения бога, а рот мажут кровью животного, принесенного ему в жертву.

Мясо же солонь съедают сами.

Для каждого места, угла, косяка у них имеется свой бог.

В лесу имеются особые боги, которые лежат и висят на деревьях, завернутые в бересту (см. рисунок).

В каждой такой бересте находится по два бога, женщина и мужчина, одетые в кожаные костюмы.

Сильно распространена среди солонов и вера в богов-чертей – «Сюргуль», живущих в лесу.

По их поверью, каждый Сюргуль величиной с большие ворота, и может сразу проглотить целую лошадь.

– В деревне Пирарцен, на восток от города Мергена, – говорит профессор Штецнер, – один офицер рассказал мне, как он едва не попал в лапы Сюргуля.

Когда офицер на лошади подъезжал к лесу, Сюргуль схватил его лошадь за хвост и не давал возможности ей сдвинуться с места.

Несмотря на все усилия, офицеру долго пришлось простоять на месте, пока он не отделался от лешего ударами кнута.

Второй интересный случай мне рассказал один старик в деревне Та-чадзе, вблизи Аргуни.

Когда этот старик проезжал лесом, к нему на спину прыгнул Сюргуль.

Старик не растерялся и, перекинув через плечо свой ремень, крепко привязал Сюргуля к себе и поскакал вместе с ним в деревню.

Когда же забрезжил рассвет, Сюргуль стал умолять старика отпустить его, так как ему, по времени, уже надо быть в лесу.

Однако старик был неумолим.

Затем, когда взошло солнце, старик почувствовал, что Сюргуль как бы совсем затих и одеревенел.

Когда, по приезде в деревню, старик развязал пояс, на землю повалилось бревно, в которое превратился Сюргуль.

Когда же это бревно было разрублено пополам, то из середины его полилась кровь.

Обе половинки бревна были брошены в огонь, где они еще долгое время шевелились, как живые, пока не сгорели.

Победы человека над злым Сюргулем солони объясняют тем, что последний боится сильных духом и телом людей и страшен лишь слабым.

Кроме перечисленных злых и добрых богов, имеется еще злой бог Ходемани – огромного роста, который живет всегда за морем.

Этот бог Ходемани живет за морем, и все знает о жизни людей от ласточек, которые живут в палатках солонов, каждую осень улетают за море, и все рассказывают о жизни людей Ходемани.

Последний очень любит есть живых людей, но не может перейти через море, так как у него в животе имеется большая дыра и едва он попадает в море, как дыра эта начинает наполняться водой и он, из боязни утонуть, возвращается обратно.

Богов и легенд о богах у солонов очень много, и в небольшой статье мы ограничимся лишь перечисленными.

– Покидая Харбин, я направляюсь в Корею, где предполагаю сделать ряд кинематографических снимков, так как у меня осталось еще свыше одной тысячи метров киноплёнки.

Из Кореи я проеду через Сибирь в Дрезден.

– Прошу вас через «Рубеж» передать мой привет харбинцам и тем милым солонам, которые оказывали мне гостеприимство, и помогли собрать столь ценный и интересный научный материал, – сказал, прощаясь, профессор Вальтер Штецнер.

Подп.: И. Кедров.

Опуб. и печ. по: Рубеж. 1933 (?). № 10. С. 3-4.

ВЕКА ОТДАЮТ СВОИ ТАЙНЫ.

Русские археологи сделали много ценных открытий в Барге¹

Маньчжурия – интереснейший для историка и археолога и совсем еще мало исследованный край...

Недавно вернулась в Харбин Баргинская Археологическая Экспедиция, организованная Научно-Исследовательским Институтом ОРСМ².

Экспедиция проработала более месяца, произвела значительные раскопки и обнаружила и привезла с собой много ценных археологических находок.

Вот что рассказывает о работе экспедиции начальник ее, В.В. Поносов:

«Экспедиция наша, в которую, кроме меня, входило еще трое сотрудников: Н.В. Глухов³, М.В. Иевлев и М.И. Никитин⁴, и более десятка

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Глава экспедиции, В.В. Поносов, у найденного им основания колонны в "Городке Чингисхана"», «Тунгусы-шаманы в долине Куйтуна встречают членов экспедиции Н.-И. [научно-исследовательского] Института», «Лагерь экспедиции на берегу Аргуни».

² НИИ ОРСМ (первоначально ОРВП – Особый район Восточных провинций, создан в 1931 г., на смену закрытому в 1929 г. Обществу изучения Маньчжурского края).

³ Глухов, Николай Владимирович (1880–после 1957). В Маньчжурии с 1909 г. Участник Первой мировой войны. Работал чертежником на КВЖД (1921–1925), занимался сельским хозяйством в Трехречье (с 1926) и пчеловодством (с 1930). Деятель ОРО, ОИМК и Клуба естествознания и географии. Автор нескольких статей по вопросам почвоведения и сельского хозяйства.

⁴ Никитин, Мстислав Иванович (1912–1986) – энтомолог, зоогеограф. В Маньчжурии с 1918 г. В Харбине с 1923 г. Член секции молодых археологов, натуралистов и этнографов Союза

русских рабочих и возчиков, нанятых в деревнях Трехречья¹, в первый же день своей работы обнаружила новое, неизвестное еще до сих пор городище². Там, во время раскопок, было найдено много интересных каменных орудий и череп человека, очень давнего происхождения.

В Трехречьи нами был обследован вал Чингисхана, – земляной вал, уже почти сравнявшийся со степью, и тянувшийся более чем на 500 верст. Произведя раскопки в двух его крепостях, мы нашли глиняную посуду. Судя по ее форме и рисункам, можно заключить, что вал этот был построен еще задолго до Чингисхана.

Около поселка Щучье был раскопан скелет человека, жившего не менее 1000 лет тому назад, судя по предметам, которые были найдены около него, – трем костяным инструментам для плетения сетей, костяным стреле и игле и железному ножу.

Находка эта представляет большую ценность: это первый человеческий скелет, который был найден целым за время наших многолетних изысканий.

Между прочим, когда мы упаковали находку и отправились дальше, в деревню Лабзагор, мы сбились с дороги, и нам пришлось заночевать в степи, у костров монголов-пастухов. На другое утро суеверные мужики-возчики, объяснявшее неудачу тем, что мы потревожили покойника, попросили переложить найденный скелет, находившейся на первой подводе, на другую, чтобы он снова не сбил с пути.

В заключение были произведены исследования развалин древнего города в устье реки Гана, бывшего когда-то, видимо, столицей какого-то монгольского государства.

Прежде город этот был обнесен стенами и в центре его помещался кремль с двумя большими зданиями-дворцами.

Во время раскопок, произведенных в кремле, мы нашли 24 каменных колонны диаметром в полтора аршина, которые, несомненно, поддерживали когда-то потолки дворцов.

В другом здании отрыли много лепного, хорошо сохранившегося глазированного орнамента, – голову дракона, птиц и т.д. Нашли также

национальной молодежи при БРЭМ (с 1935), Императорского Ниппонского энтомологического общества (с 1943) и Биологического общества Маньчжоу-Го (с 1944). Участник многочисленных экспедиций по Маньчжурии.

¹ *Трехречье, или Область трех рек* (по-китайски Саньхэ цюй) – район, получивший название от трех рек: Ган, Дербул и Хаул, бассейны которых расположены в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай). Все три реки, берущие начало в северо-западных отрогах Большого Хингана, находятся в пределах Хулунбуирского нагорья и впадают в пограничную между российской и маньчжурской сторонами р. Аргунь.

² *Городище* – тип археологического памятника; поселение, искусственно укрепленное земляными валами и рвами.

кирпичи с отпечатками руки, имевшими, по-видимому, какое-то ритуальное значение.

Там же было обнаружено 13 могил, обложенных камнем. При вскрытии одной из них нашли старинную глиняную урну.

Городу этому, по всем признакам, более 700 лет. Принадлежал он одному из северных тюрко-монгольских ханств, разгромленных Чингисханом.

Во время нашей поездки мы случайно присутствовали на празднестве тунгусов¹-шаманов ...

В открытой степи, утыканной в определенном порядке свежесрубленными молодыми березками, перед вертикально поставленной решеткой из березовых жердей, 3 шамана и 3 шаманки в течение трех дней производили свои заклинания, приносили жертвы, чревоуещали в трансе.

Приняли они нас приветливо, охотно угощали. Они хорошо говорят по-русски, так как раньше жили в России».

*Подп.: Арк. Упиинский.
Опубл. и печ по: Рубеж. 1934. № 33. С. 19.*

КРОВЬ В ЖЕРТВУ ДУХАМ...

Шаманские жертвоприношения в Маньчжурии и Монголии²

Во многих трудах и исследованиях о шаманах встречаются указания о жертвоприношениях животных шаманским духам. Но нигде еще не приходилось встречать подобного описания этого акта и до сих пор еще не опубликовывалось фотографий этих жертвоприношений.

Это вполне понятно, — шаманы не любят афишировать своих мистерий и всегда стараются скрыть их от любопытных глаз европейцев.

Заслужить доверие шаманов можно или долгим знакомством, или хорошим знанием их обычаев.

Благодаря последнему автору этих строк удалось в прошлом году на большом шаманском празднике «Торон», в котором участвовали четыре шамана и три шаманки, видеть картину жертвоприношения животных и сфотографировать отдельные моменты всей мистерии.

¹ *Тунгус* — термин, используемый в отечественной науке вплоть до XX в., синонимичный современному самоназванию народа — эвенки. На самом же деле, термин «тунгус» шире, чем понятие «эвенк» и охватывал ряд этносов, среди которых эвенки, эвены, негидальцы и др.

² Очерк сопровождается фотографиями: «Автор очерка обменивается трубками со старшей шаманкой», «Шкуры девяти жертв, — быка, двух козлов и шести баранов, — висят на жердях. Позади, на березках, — помосты с костями животных», «Жертвенное заклание барана. Направо, с завязанными ушами, — один из шаманов».

Предварительно, для этого пришлось прибегнуть к весьма негигиеничному акту выражения вежливости и своего уважения к хозяевам праздника...

Узнав, что на этом празднике старшим является старуха-шаманка Феодосия Степановна Темникова, автор направился к последней и предложил ей набить трубку своим табаком. Набив и хорошо раскурив свою трубку, обтер ее о полу своего пыльника и предложил трубку шаманке. Та, в свою очередь, проделала ту же процедуру. Сделав по несколько затяжек из чужих трубок, знакомящиеся возвратили трубки друг другу.

После этого акта высшей восточной степной вежливости, – все двери перед путешественниками раскрылись, и автор со своими спутниками был приглашен в юрту¹ старшей шаманки, где им всем было предложено угощение: арака, арца, сливан и юбины.

Только благодаря этому удалось наблюдать подробности жертвоприношений и сделать снимки, которые в печати появляются впервые.

Оказывается, жертвенное животное режется по особому ритуалу. У живого животного разрезается грудь, и вынимаются легкие, сердце и печень, не отделяя их от горла. После этого, не перерезая горло, отделяется туша мяса от головы, которая остается в шкуре. Наконец, туша мяса с внутренностями живота вынимается из шкуры.

Шкура животного с головой и висящими на горле легкими, сердцем и печенью вывешивается на длинном березовом колу.

Сзади кола со шкурой, из четырех березок устраивается особый высокий помост, на который укладываются кости убитого животного.

Таким образом, в жертву духам приносится не только облик животного – шкура, но и все главные органы его, – мозг, легкие, сердце и такое любимое в Монголии блюдо, как печень.

Если к этому прибавить кости и кровь животного, то окажется, что в жертву идет все главнейшее в животном.

В таком состоянии жертву оставляют на воздухе, пока солнце, дожди, ветер и птицы не уничтожат ее.

Мясо животного варится во вкопанном перед жертвенником котле и идет в пищу шаману и присутствующим на камлании.

Но прежде, чем приступить к пиршеству, шаман или шаманка и тут не забывают своих духов-покровителей и приносят им жертву: оторвав от самого вкусного куска мяса кусочек, шаман произносит особые заклинания и бросает этот кусочек правой рукой через свое левое плечо.

Если шаман что-либо пьет, то, предварительно, он помочит в жидкости свои пальцы и, опять-таки, с заклинаниями, брызгает ими через плечо.

¹ *Юрта* – переносное жилище, принятое у тунгусских и монгольских кочевников.

Вообще, шаман никогда не принимает никакой пищи, предварительно не принеся жертвы своим духам.

При кровавых жертвоприношениях в жертву духам приносится бык, баран или козел, в зависимости от важности камлания и от благосостояния хозяина. Шаман же и дает совет, что и сколько нужно принести в жертву.

Так как сам шаман пользуется от жертвы только тем мясом, которое он может съесть, то заподозрить шамана в жадности, в какой-то личной заинтересованности, не приходится.

Если в жертву приносится не одно животное, то число жертв должно быть кратным трем. Чаще всего, оно равняется девяти.

Число «9» у шаманов, вообще, играет большую роль.

Домашние животные приносятся в жертву у кочевых народов, – монголов, бурят, тунгусов. У других народов в жертву идут зверь или рыба, у китайцев – петух.

Подп.: Энге¹.

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1935. № 15. С. 17.

В ТАИНСТВЕННОМ ТИБЕТЕ.

Воспоминания путешественника, написанные
специально для «Рубежа»²

Интересно побывать в Тибете, этой таинственной и малоисследованной стране... Там все особенное, своеобразное! Это своеобразие сразу бросается в глаза каждому путешественнику и привлекает его внимание.

¹ Позволим себе предположить, что подписью «Энге» мог пользоваться *Энгельфельд Владимир Викторович* (1891–1937) – востоковед-юрист. Декан и зам.декана Харбинского юридического факультета (1929, 1934–1936).

² Настоящая публикация предварена следующим комментарием от редакции: *«Автор этого интересного фотоочерка о загадочном Тибете, написанного специально для "Рубежа", – Павел Васильевич Михайлов, окончивший в 1915 году юридический факультет Томского Императорского Университета, – с детства мечтал о путешествиях. Став коммерсантом, он всегда стремился попасть в отдаленные экспедиции по закупке пушнины и пр. Много путешествовал по Монголии. И, наконец, побывал в Тибете, о котором до сих пор известно так немного.*

Благодаря своей природной наблюдательности и любознательности П.В. Михайлов сумел подметить много интересного в быте тибетцев и сделал ряд редкостных снимков, ныне впервые появляющихся в печати на страницах нашего журнала».

Очерк сопровождается фотографиями: *«Автор очерка П.В. Михайлов», «Общий вид монастыря в Лабранге, где живут более 3000 лам», «Тибетцы в своих национальных костюмах, с винтовками, снабженными подставкой для стрельбы», «Караван торговцев в горах Тибета», «Тибетские ламы Лабранга», «Женатый тибетский лама с сыном. Обратите внимание на его длинные волосы», «Тибетянки в парадных костюмах с серебряными украшениями на косах», «Один из тибетских монастырей, в котором живет "живой бог"», «"Живой бог" – фое – в сопровождении пышной свиты, в пути».*

Так как я был в Тибете с коммерческой целью, то я имел возможность жить там, сколько мне было угодно и совершенно спокойно наблюдать за жизнью тибетцев.

Насколько я знаю, русская литература о Тибете очень бедна, а поэтому я считаю нелишним поделиться со своими соотечественниками тем, что я видел.

Из Тибета я вернулся всего лишь в октябре прошлого года. Моей резиденцией там был один из самых больших тибетских монастырей – Лабранг. Монастырь этот находится на расстоянии шести суток езды верхом от Ланчжоу-фу, главного города провинции Ганьсу, и расположен на высоте около десяти тысяч футов над уровнем моря.

Оттуда я разъезжал по делам в разные стороны и забирался на высоту более пятнадцати тысяч футов над уровнем моря. Но это – не предел. Огромные цепи гор, высоченные горные хребты с вечными снегами, тянутся во всех направлениях, и, кажется, нет им конца.

Вообще, Тибет – это горная, дикая страна, населенная различными племенами почти первобытных диких людей. Население страны очень редкое, и оттого впечатление дикости еще усугубляется.

В шестидесяти ли от китайского города Хочжоу проходит тибетско-китайская граница, – большая крепостная стена. Справа и слева высятся огромные гряды гор, вершины которых уходят в облака. Подъезжая сюда, сразу чувствуешь дикое величие тамошней суровой природы; невольно начинаешь чувствовать себя маленьким, ничтожным человеком.

Но первое впечатление постепенно сглаживается и сменяется любовью к этой красивой дикой, горной стране.

По ту сторону границы населенных мест нет на многие версты. Горы, ущелья, горные речки, ручьи и иногда густой, дремучий лес на горах, – вот все, что вы можете видеть вокруг. Горная тропинка ведет вас на вершину горы, откуда спускается к горной шумящей реке и идет по самому обрыву. Примитивные перекидные мосты гнутся и качаются от вашей тяжести.

Наконец, вы достигаете большого, белого, четырехгранного памятника в виде пики, называемого по-тибетски – «чортын».

Тут же, неподалеку, виднеются небольшие белые здания, – это маленький тибетский монастырь. На крышах зданий блестят позолотой несколько фигур животных, и побрякивают колокольчики. Вокруг мертвая тишина, не видно ни одного человека.

На лужайке, около ручейка, сидят несколько лам в живописных, точно у древних римлян, красных туниках и с любопытством смотрят на незнакомых людей.

Дальше идут пашни, вдали виднеется небольшая тибетская деревня.

Тибетскую деревню можно узнать издалека по шестам с белыми флажками, вернее, тряпками, – которые яростно треплет ветер. Шесты эти имеют религиозное значение, т.к. на тряпках обыкновенно написаны молитвы и заклинания от злых духов, от болезни, от несчастья и т.п.

По своему внешнему виду, эта деревня мало отличается от обыкновенных в тамошних местах дунганских поселений.

Мы ехали в июле месяце. Был чудный день. Солнце радостно бросало золотые лучи на землю, и она вся просияв, точно счастливая девушка, приобретала праздничный и веселый вид. Молодая яркая зелень была повсюду и ласкала глаза. Тибетцы были на полевых работах.

Изредка только попадались тибетцы-охотники верхом на лошади. За плечами у них были винтовки с приделанными к ним рогатинами. Эти охотники иногда распевали протяжные, переливчатые, громкие в горах песни, и чувствовалась в них вся сила вольной, здоровой жизни дикаря.

Я невольно подумал, что может быть, жизнь дикаря не так уж плоха, как нам кажется.

В дальнейшем мне пришлось иметь дело почти исключительно с этими охотниками, т.к. большинство населения Тибета все же не оседлое, а кочевое.

На высоких перевалах нам неизменно попадались «обо», – большие кучи камней различной величины с воткнутыми в них длинными деревянными стрелами. Эти места, – обиталища злых духов, тибетцы стараются, не останавливаясь, поскорее проехать.

Причина таких суеверий вполне понятна: человек и лошадь поднимаются целых полдня на этот перевал и приходят туда утомленные и потные. Свирепствующие на перевалах снежные бури и холодные ветра, конечно, причиняют вред остановившемуся путнику, и тот потом хворает. Очевидно, это обстоятельство было хорошо замечено тибетцами, и они решили, что на больших перевалах лучше не останавливаться, – иначе злые духи причинят какой-нибудь вред ему или его лошади.

Летом тибетцы живут в палатках из белой материи, а то и совсем без палаток, а зимой пользуются черным войлоком, из которого делают нечто вроде большой палатки – полуземлянки.

Спят они прямо на земле, подстилая под себя только одну или две овчинных шкуры, а закрываются шубой, которую носят.

У оседлых тибетцев уже все по-другому: фанза – на манер китайской, очень чистая. На каннах постелены цветные кошмы, или ковры, а на полках расставлена в большом порядке различная посуда. На стенах развешаны фотографические карточки и различное оружие, – главное украшение дома и гордость хозяина. На дворе непременно рывкает на цепи медведеобразная тибетская собака. Порода эта особая, – ее можно встре-

тить только в Тибете. Собака эта не умеет лаять, как обыкновенная собака, а как-то ухает, рычит и по внешнему виду скорее напоминает небольшого медведя, нежели собаку.

Тибетцы, в большинстве, живут бедно и находятся в полной зависимости от богачей. Эти последние имеют огромные стада баранов, быков и лошадей. Когда животные съедают весь корм вокруг, тибетцы переселяются на новые пастбища. Так они кочуют всю свою жизнь.

Всю домашнюю работу и хозяйство ведут женщины. Мужчины же любят курить, бездельничать и ездить по гостям.

Правда, эти поездки иногда дают тибетцу хороший доход, когда на дороге встретится какой-нибудь простофиля – китаец без оружия. Тогда прощай все: тибетец отберет абсолютно все и пустит такого несчастного в чем мать родила; если же тот попытается сопротивляться, то и убьет без всякого сожаления.

Вот почему в Тибете так ценится оружие, и без оружия там почти никто не ездит. Да это считается и неприличным в тех местах, – нечто в роде слишком показательного признака вашей бедности.

Тибетцы все вооружены: богатые имеют винтовки и сабли, а бедные только сабли или длинные большие ножи, и с этим оружием они никогда не расстаются.

Как и у всех горцев, у них существует кровавая месть за убийство родственника, длящаяся целыми годами.

У тибетцев совершенно своеобразное понятие о героизме: так, ограбить и даже убить безоружного человека считается у них большим героизмом.

Тот тибетец, который ни разу в своей жизни никого не ограбил и не убил, считается у них, как у нас говорят, «бабой». У них существует даже особая пословица, очень оскорбительная: «Ты, говорят, от женщины родился, а не от мужчины».

Бывают у них и междоусобные войны, – племя идет на племя, – и горе тому племени, которое будет побеждено: оно остается абсолютно нищим, ибо жестокость победителей не знает границ. Они привязывают, например, женщин побежденного племени за волосы к хвосту лошади, и скачут, пока те не погибнут.

Однажды мы втроем ехали с серебром ... Хотя мы были хорошо вооружены, мы все же выехали под вечер, чтобы ехать всю ночь и только к рассвету достигнуть первой деревни. Купцы часто так делают из предосторожности, руководствуясь простой житейской мудростью, что ночью и разбойники спят.

Но все же, когда совсем стемнело, нам встретились два верховых тибетца с винтовками: они, видимо, возвращались с добычи. Но нас тронуть они побоялись, ибо мы были настороже и имели наготове оружие.

Вообще, тибетцы не отличаются храбростью. Мой знакомый, например, однажды встретил в глухом, безлюдном месте троих вооруженных тибетцев, которые хотели его ограбить. Тот не растерялся, соскочил с лошади, встал на камень и начал стрелять из револьвера. Тибетцев и след простыл.

Другой раз один из служащих фирмы обезоружил несколько тибетцев... Поднимаясь на очень высокую и крутую гору, он вдруг заметил 5–6 тибетцев, прятавшихся с винтовками за камнями. Отступление было невозможно, а поэтому он бросился с револьвером на этих тибетцев. Сзади подоспели еще двое ямщиков-дунган, и тибетцы отдали свои винтовки. Потом уже, когда перевалили гору, винтовки были возвращены их хозяевам.

Перед иностранцами тибетцы испытывают какой-то панический страх и очень редко осмеливаются на них нападать. Дунган и китайцев тибетцы ежегодно грабят и убивают десятками.

Но один случай нападения на иностранца, как характерный, я все-таки хочу рассказать.

Один из тамошних миссионеров, некто г-н Симсон, имел обыкновение с июня уезжать в горы, вглубь Тибета, и там проповедовать Евангелие. Для этого он брал с собою еще 5–6 человек китайцев, хорошо знающих тибетский язык, и ездил со своею палаткой от одного кочевья к другому. Приблизительно в сентябре месяце он обыкновенно возвращался обратно в город. И вот однажды, когда он возвращался с проповеди и расположился в одной котловине на ночлег, к ним подошел какой-то тибетец и стал расспрашивать, – не видали ли они его быков. Этот тибетец скоро ушел, но Симсон и китайцы сразу поняли, что тут дело нечисто, что это просто разведка разбойников, и приготовились к нападению.

Ждать пришлось недолго... Из темноты ночи вдруг раздались с разных сторон выстрелы, и затем тибетцы потребовали, чтобы Симсон отдал им все имущество и деньги.

Хорошо зная тибетцев и их трусость, Симсон заявил, что он не даст им и одного тунзыра, т.к. он иностранец и их не боится. А за его убийство они жестоко поплатятся.

Тибетцы и сами это отлично учитывали и потому стреляли в воздух, думая напугать Симсона и его спутников. Но Симсон не напугался. Опять началась стрельба. Симсон и его китайцы отвечали.

Наконец, тибетцы опять заговорили и требовали уже всего 200 долларов... Одним словом, эта торговля продолжалась несколько часов со

стрельбой в перерывах. Наконец, тибетцы, видя, что их не боятся, и им ничего не сделать с Симсоном, потребовали от него... два доллара за расстрелянные патроны. Чтобы отвязаться от них и проспять остаток ночи, Симсон отдал им два доллара, и тем дело кончилось.

Другой случай был с миссионером Г. Он также возвращался с проповеди и ехал несколько впереди своих быков, нагруженных имуществом. Быков сопровождали два китайца.

Оглянувшись назад, Г. увидел, что его быков нет. Он поехал обратно и тогда только понял, что случилось.

Оказывается, прятавшиеся в кустах тибетцы вдруг набросились на его быков и стали разбивать вьюки. Китайцы напугались и не оказали никакого сопротивления.

Г. подъехал к грабителям на выстрел и стал кричать им, что это его быки и его имущество, и чтобы они не трогали ничего. Видя, что он один, грабители не обратили на его слова внимания и продолжали свое дело. Тогда Г. решил применить оружие.

Только он прицелился в одного, как тот оглянулся, и Г. узнал в нем своего хорошего знакомого тибетца. У Г. опустились руки и он закричал: «Тагла, неужели ты меня будешь грабить?»

Тагла восторженно ответил, он тоже узнал Г. Он сейчас же обратился к своим товарищам, чтобы те прекратили грабеж и все возвратили Г.

Те с большим неудовольствием это исполнили.

В дальнейшем, они все вместе продолжали дорогу, как ни в чем не бывало.

Бывает массовый грабеж на ярмарках, куда стекаются самые отдаленные и дикие племена. Во время огромного скопления народа, вдруг раздается крик, и эти дикари бросаются к лоткам торговцев и хватают и тащат все, что попадет под руку. Торговцы защищаются, бьют их по чему попало досками, палками, но те лезут, как безумные, прячут схваченное за пазуху и потом стараются смешаться с толпой и удрать. Такие массовые грабежи на ярмарках бывают по несколько раз в году. Китайские солдаты иногда схватывают одного, двух грабителей и рубят им головы, но большей частью все эти грабежи проходят безнаказанно.

Тибетцы этих отдаленных племен – уже настоящие дикари: никогда нечесанные, никогда немытые, с дикими, звериными глазами, они походят скорее на животных, чем на человека. Одежду их составляет только овчинная шуба и кошемные сапоги с загнутыми кверху носками. Ни шапки, ни белья у них нет.

Единственным украшением у мужчин-тибетцев бывает воротник из леопарда, да серебряная пряжка на виске, в волосах, или разноцветные бусы на шее.

Женщину можно узнать только по украшениям сзади: к мелко заплетенным косичкам прикрепляется сзади множество мелких медных и серебряных украшений, которые гремят и позванивают во время ходьбы.

Летом у тибетцев та же одежда, только шуба бывает спущена с плеч, как у мужчин, так у женщин. Поэтому летом тибетцы ходят, можно сказать, полуголыми и босиком.

На юге Тибета живет самое дикое племя – «чоку». Про них сами тибетцы говорят, что они людоеды и очень любят человеческое мясо, т.к. оно зимой хорошо согревает.

Другой особенностью этого племени является то, что своим детям они с ранних лет прижигают подошвы ног каленым железом. Прodelывая это в течение некоторого времени, они достигают того, что подошва превращается как бы в мягкое копыто, как, например, подошва ноги у верблюда, и потом уже, как говорят, не требует обуви.

Одежда оседлых тибетцев, несколько образовавшихся около китайцев, совершенно другая. Легкая шуба из мерлушки обшита черной материей (часто шелком) и опушена выдрой. Шуба эта одевается на одно плечо и подпоясывается красной или синей опояской. Эти тибетцы ходят уже не голые, а носят какую-нибудь цветную рубашку китайского образца и белую мерлушковую шапку с цветным острым колпаком наверху.

Во время праздников они одеваются во все шелковое, цветное, а шапку надевают лисью, из красной лисицы. Получается довольно оригинально и даже красиво.

Женщины одеваются так же, только сзади, в косах и ниже спины носят множество серебряных монет и украшений.

У богатых, вместо серебра, – желтый янтарь в косах.

Хороший тибетский костюм у женщины очень красив.

Заслуживает также внимания прическа тибетянки. Это большое и сложное дело... Волосы сначала моются, просушиваются, а затем три-четыре тибетянки работают над одной прической, чуть ли не целый день. Волосы смазывают растительным маслом и причесывают гладко на прямой ряд. Главная трудность прически – мелкие косички сзади, в которые вплетаются толстые черные шелковые нитки, а спереди, на лбу, волосы прошиваются ровно и красиво, как на машине. Такая прическа держится приблизительно две недели, после чего волосы уже не лежат ровно, и их нужно снова укладывать.

Бедные тибетянки, не могущие следить за своей прической, ходят всегда с грязными, пыльными и растрепанными волосами.

Мужчины-тибетцы, в большинстве, головы бреют, и только некоторые носят маленькие, жиденькие косички.

Семейная жизнь тибетцев оставляет желать много лучшего. Богатые имеют по несколько жен, а бедные – одну или ни одной.

Понятие о верности у них очень расплывчатое; поэтому и муж, и жена часто имеют много друзей.

Но тибетцам все же не чужда и любовь. Я знаю случай, когда одна тибетянка очень ревновала своего мужа к другим женщинам и, в конце концов, даже отравилась.

Семейная жизнь у них не освящается церковью, и поэтому брака в нашем смысле у них нет. Просто мужчина и женщина сходятся по взаимному согласию и считаются мужем и женой.

Нет также у них и фамилий, а только имя, которое дают ребенку отец и мать без участия лам.

Если в семье рождаются два сына, то первенец, должен, быть обязательно монахом, а если рождаются три сына, то монахами должны быть два.

Богатые тибетцы нередко покупают себе детей у бедных родителей и потом делают из них бесплатных работников для себя.

Лучшей девицей считается та, которая до замужества имела много друзей и даже ребенка: по понятиям тибетцев, такая девица всем нравится, а значит она очень интересная и красивая и не будет бесплодной женой.

Вообще, родители-тибетцы о дочерях заботятся мало и большею частью предоставляют им самим зарабатывать себе кусок хлеба.

В Лабранге приезжего европейца поражает, как работают тибетские женщины. Они, например, таскают на спинах огромные тяжести, которые бывают даже не под силу иному мужчине. А ведут себя очень и очень распущенно.

Благодаря отсутствию нравственности в европейском понятии этого слова, у тибетцев процветают различные заразные болезни, на которые они, впрочем, не очень-то обращают внимание, приписывая их происхождение то ветру, то сырой земле, на которой спят.

Между прочим, в Тибете, почти повсеместно, распространена страшная болезнь – проказа.

Однажды мне встретилась целая группа несчастных, обезображенных проказой людей, шедших в Ланчжоу. Их сопровождал старичок китаец с палочкой в руке ...

Разговорились, и он поведал мне, что эти несчастные идут в Ланчжоу лечиться. Конечно, никто их вылечить там не сможет, а попадут они все в особое место, отведенное им одной из миссий, и там закончат свою горькую жизнь.

Тибетцы знают эту страшную болезнь и поэтому стараются больного изолировать от здоровых, даже мерами полиции. Но, в конечном-то ре-

зультате, получается глупость: выгнанный больной идет в другое селение, и, таким образом, разносит заразу. Больного гоняют, как собаку, пока он где-нибудь не пропадет.

Хваленая тибетская медицина что-то не очень гремит ... Тибетские ламы, хотя и лечат больных, но редко успешно. Большею частью их лечение сопровождается бормотанием молитв и битьем в барабаны. Дают они своим больным также различные амулеты от болезней и ладанки, которыми тибетцы очень дорожат.

От полного вырождения тибетцев спасает только хороший гордый воздух и здоровая пища.

Еще хуже обстоит у тибетцев дело с ветеринарией. Более варварских приемов и способов трудно придумать. Например, часто можно видеть живого быка с ободранными ребрами. Кости форменно выступают наружу, а кожа и мясо с них висят тут же, как плети. Так тибетцы лечат животных от каких-то внутренних болезней.

Если животное оступилось и вывихнуло ногу, отчего получилась опухоль в плече, тибетцы прижигают распухшее место каленым железом, причем стараются нарисовать на больном месте мелкую клетку. А в случае, если у животного заболела нога, тибетец стягивает у больного животного кожу на ноге, насколько можно, а затем прошивает ее при помощи двух иголок дратвой, как голенище сапога, и потом отпускает несчастное животное, которое страдает до тех пор, пока прошитая кожа не отгниет.

Различные раны они засыпают землей или смазывают навозом, и т.д., и т.д.

Если нужно умертвить животное, тибетец ни за что не будет резать его, т.к. проливать кровь считается у них великим грехом. Баранам, например, они закручивают морду и нос веревкой, и те умирают в мучениях от недостатка воздуха. Но тибетец спокоен – баран умер сам, и кровь не была пролита.

Птиц они не едят, потому что на них нет шерсти. Рыбу считают водяным червем и потому есть ее считается большим грехом.

Кушают тибетцы молоко, талкан (жареный размолотый ячмень) и мясо, причем многие любят есть мясо сырым. Пьют зеленый кирпичный чай и розовый отвар из проса.

Любят также погулять, поиграть в маджан и выпить ханы. Мужчины почти все поголовно курят листовой табак из самодельных длинных трубок, городские же тибетцы курят уже китайские сигареты.

Тибетцы очень религиозны, – особенно женщины. Ежедневно вокруг монастыря можно видеть распростертые на земле фигуры: это паломники, пришедшие издалека помолиться.

Эти паломники, по преимуществу женщины, проделывают очень трудный поход вокруг всего монастыря (добрых русских верст пять): они ложатся на землю во весь рост, на живот, протягивают вперед руки и палочкой, которую имеют в руке, чертят черту, а головой, – вернее, лбом, – касаются до земли, потом встают, подходят к той черте, которую сделали, и проделывают опять ту же операцию... И так – вокруг всего монастыря!

Есть богомольцы, которые идут таким образом 200–300 верст от своего кочевья до Лабранского монастыря, а некоторые идут даже до Лхассы, религиозной столицы Тибета. Такие фанатики, ложась всю дорогу, идут до Лхассы в течение 3–4 лет.

Вокруг всего монастыря, около его стен, имеются навесы, и под этими навесами приделаны вертящиеся барабаны разной величины. На этих барабанах наклеены молитвы, большею частью привезенные из Лхассы. Богомольцы идут вереницей, друг за другом, и крутят эти барабаны. Сколько раз повернется барабан, столько раз эта молитва считается произнесенной и идущей к Богу.

Некоторые богомольцы имеют даже рукавицу на правой руке, чтобы не стереть руку в кровь от долгого и сильного верчения барабанов.

На улице, под навесами, эти барабаны обыкновенно сделаны из бараньих шкур, а внутри зданий они медные, с выпуклыми буквами молитв.

Монастырь в Лабранге – это целый город. Там живут более 3000 лам разных национальностей и 18 «живых богов», по числу которых и весь монастырь делится на 18 приходов.

Один из этих 18 богов – главный (*та фое*), и ему подчинены все другие.

Интересна процедура нахождения живого бога...

Еще при жизни *фое* пишет как бы завещание. Он пишет, что придет опять после смерти и родится в такой-то местности, в такое-то время... Иногда указывается дом, например, 3-х этажный, под синей черепицей.

Так как обычно *фое* указывает на густонаселенное место, то и неудивительно, что там в то время рождается не один мальчик, а несколько. Таких мальчиков монахи забирают в монастырь и учат их там до 7-ми летнего возраста. А затем начинается самое избрание, или, вернее, гадание, – кто же из этих мальчиков – живой бог, – *фое*.

Этих мальчиков, заставляют каждого в отдельности выбрать себе из поставленных перед ними чашек для еды одну, принадлежавшую *фое* еще при его жизни. То же проделывают с койзами (палочками) и одеждой, ранее принадлежавшей *фое*.

Тот мальчик, который возьмет себе чашку, койзы и одежду, которые ранее принадлежали *фое*, и есть избранный: он – живой бог, так как узнал свои вещи и этим доказал, что он снова родился.

Между прочим, рассказывают, как курьез, что христианские миссионеры задавали по этому поводу тибетским ламам вопрос: «Зачем же нового живого бога нужно опять учить? Почему он законы забывает, а чашку, койзы и одежду хорошо помнит?..»

Тибетские ламы очень смущались, но ничего ответить на этот вопрос не могли.

Конечно, при самой процедуре избрания живого бога дело не обходится без «машинки», как говорят китайцы. Монахи, обычно, выбирают из мальчиков самого способного, а иногда просто богатого и из влиятельной семьи. Но это закулисные стороны жизни монастыря, и обыкновенные люди, конечно, ничего об этом не знают, а может быть и не хотят знать. **(Продолжение следует).**

Подп. П. Михайлов

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1939. № 31. С. 1–4, 6–8.

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО МАНЬЧЖУР.

Паломничество к старому вязу в центре Харбина

Все лето Харбин был свидетелем паломничества маньчжурского населения города к дереву, возвышающемуся среди самой мостовой на Артиллерийской улице, недалеко от угла Полицейской.

Целыми днями, с раннего утра и до поздней ночи, если погода тому благоприятствовала, собирались здесь молодые и старые, женщины и мужчины, богатые и бедные, – собирались для того, чтобы совершить свой религиозный обход, возвести молитвы и так или иначе выразить свою религиозную веру тому невидимому, что по их твердому представлению, связано с этим страшным деревом. Иногда тут можно было видеть пожилых маньчжурок, тихо причитающих, стоя на коленях перед алтарем, наскоро воздвигнутом около древесного ствола. Иногда сюда приходили солидные маньчжуры – деловые люди с тем, чтобы также склонив голову, о чем-то просить кого-то, притаившегося где-то у развесистых ветвей этого толстого вяза. А иногда тут же можно было видеть коленопреклоненную маньчжурскую девочку, которая, молитвенно сложив перед собою ладони рук, просила о чем-то своем, ей, может быть, только одной известном; ее губы при этом тихо шепчут невнятные слова и лицо, устремленное к древесному стволу, выражает мольбу. Сотни различных бумажек, развешанных под листвою дерева, и всевозможные сооружения вокруг древесного ствола, – все это, в свою очередь, говорило о широкой обрядовой стороне, связанной с деревом.

Рассказывают, что почитание этого дерева связано с несколькими легендами, говорят, что у него имело даже место несколько случаев исце-

ления больных. Говорят, что под самым деревом покоятся останки одного весьма искусного маньчжурского врачевателя, погибшего много лет тому назад от злодейской руки убийцы. Врачевателю, погребенному здесь, рассказывают маньчжуры, удалось вылечить от безнадежной болезни ребенка одного видного человека, и за это ему пришлось поплатиться своей жизнью от жестокого и бесчеловечного врага отца спасенного ребенка. Кости праведника, лежащие где-то под корнями дерева, наделяют, по верованиям маньчжур, таинственной исцелительной силой выросшее над ними дерево.

<Б.п.>

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1943. №32. С. 17.

НА ОТРОГАХ ХИНГАНА. Результаты научной экспедиции¹

Минувшим летом была совершена интересная экспедиция в отроги Большого Хингана с целью подробного изучения быта и нравов обитающего там племени ороحوнов. Эта экспедиция произвела ценные наблюдения, а также засняла на кино-фильму картины быта и нравов этого племени.

Ороحوны², проживающие на Хингане, являются представителями тунгусского³ племени и до сих пор сохранили черты, присущие всем охотничьим племенам: любовь к охоте, бродяжничеству и т.д. Охота, являясь главным занятием ороحوнов, вырабатывает из них прекрасных стрелков. Начиная стрелять с раннего возраста, как только руки смогут поднимать винтовку, ороحوны достигают такой меткости, что бьют белку в глаз, чтобы не испортить ее шкурки.

В дремучем, густом лесу Большого Хингана, недалеко от лесной прогалины тоненькой струйкой поднимается к небу сизый дымок. Слышен лай собак и говор людей. Это становище⁴ ороحوнов, которые в своих охотничьих скитаниях непрерывно меняют место жительства.

По мере приближения к становищу ясно видны круглые юрты ороحوнов, около которых хлопочут женщины, приготовляя незатейливую еду. Мужчины только что вернулись с охоты и, сидя на обрубках дерева, протирают масляными тряпками свои винтовки. Около них свалены трофеи охоты, возле которых бродят собаки, слизывая с травы капельки крови, стекающей из ран убитых животных.

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Охотник на оморочке», «Обоз из оленей, перевозящих имущество ороحوнов», «Шаман с бубном перед камланием».

² Ороحوны, или ороحوны (букв. «оленеводы», «оленьи люди») – народ тунгусо-маньчжурской языковой группы. Китайские ороحوны – родственные амурским эвенкам этнос, к эвенкам себя не относят, называя себя «олончуны».

³ См. тунгусы.

⁴ Становище – место стоянки, временное поселение кочевых племен.

Мужчины делятся впечатлениями удачной охоты, которые с интересом слушает орочонский мальчик, вернувшийся из леса с двумя огромными связками березовой коры. Эта кора в жизни орочонов играет очень большую роль. Во-первых, она употребляется как строительный материал для постройки юрт, так как ею кроют всю юрту, представляющую из себя конус, делают березовые туеса¹, в которых носят вкусный олений кумыс² и т.д.

Довольные результатом охоты, мужчины осматривают убитых козуль, горных козлов, изюбрей и т.д. Охота на последних требует большой сноровки, так как изюбрь, чуя охотника очень далеко, скрывается в чашу при первом шорохе. Являясь охотниками в полном смысле этого слова, орочоны не устраивают массового истребления животных, но охотятся за ними рационально, убивая главным образом самцов, которых они подманивают на выстрел, гудя в березовый рог³, дающий точную имитацию голоса самца изюбря.

Охотясь на изюбрей, орочоны, помимо вкусного мяса, имеют также наиболее ценную часть изюбря – панты⁴, которые они продают в маньчжурские аптеки за довольно большие суммы.

Женщины-орочонки готовят из изюбриных шкур отличные меховые одежды, в которых их мужья охотятся зимой на пушного зверя. Занимаясь охотой, орочоны также не чужды занятию животноводством и их олени стада представляют собой большую ценность. Культивируя оленей, орочоны имеют от них прекрасное молоко (из которого они готовят кумыс), мясо и шкуры. Взрослые олени, кроме того, также служат и транспортным средством, перевозящим все имущество орочонов во время их охотничьих скитаний.

Местность, где кочуют орочоны, изобилует горными речками и охотники-орочоны нередко пользуются ими, направляясь в своих берестовых оморочках в дальние охотничьи экспедиции. Ведя непрерывную борьбу за существование с окружающей природой и дикими зверями, орочоны до сих пор веруют в демонов и злых духов, которые причиняют зло человеку, вселяясь в него и причиняя ему страдания. Для изгнания этих злых духов-демонов, в среде орочонов имеются шаманы, безошибочно узнающие причину болезни.

Больного, одержимого припадками, обыкновенно приводят к шаману, если же болезнь настолько серьезна, что больной не может встать с постели, то приходит сам шаман, наряженный в странное платье, с погремушками и

¹ *Березовые туеса* – распространенный предмет домашнего обихода, сделанный из березовой коры и снабженный деревянным доньшком и крышкой.

² *Олений кумыс* – кисломолочный напиток из оленьего молока.

³ Имеется в виду «оревун» – рог, имитирующий голос изюбра. Использовался охотниками для подманивания изюбра.

⁴ *Панты* – рога молодого оленя, используемые в медицине у дальневосточных и сибирских народов.

колокольчиками, с уродливой маской на лице и бубном в руках. Осмотрев больного, шаман узнает засевших в нем злых духов и начинает камлание. Он прыгает около больного, так, что все сотни подвешенных бубенцов и колокольчиков издают звон, бьет в бубен, вертится на одном месте и т.д. По мере пляски, темп становится все быстрее и быстрее и, наконец, таким, что нельзя различить отдельные движения шамана. Вся его фигура становится сплошным мелькающим пятном. Наконец, шаман в изнеможении падает на землю и произносит заклинания.

Самое замечательное то, что больные, в большинстве случаев, после такого камлания выздоравливают. Европейские ученые с научной точки зрения объясняют это камлание как проявление в высшей силе самовнушения и гипноза. Таким образом, впадая в исступление, шаман в то же время внушает больному, что он должен быть здоровым.

Проведя много времени в осмотре летних становищ орочонов, экспедиция также посетила ряд орочонских поселков, в которых орочоны живут зимой, когда наступает сезон охоты на пушного зверя. В отличие от летних юрт, сделанных из березовой коры, зимние постройки отличаются хорошей стройкой. В большинстве случаев они являются глинобитными постройками, ничем не отличающимися от типичных маньчжурских домов.

Исследуя летние становища орочонов на Большом Хингане, экспедиция также привезла с собой многочисленные экспонаты быта орочонов. Таким образом, научный мир получил новые ценные данные о жизни этого племени.

<Б.п.>

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1944. № 11. С. 5-6.

ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ «ОБО». Красочная церемония у монголов¹

В числе сил, составляющих духовную мощь всякого народа, одно из далеко не последних мест занимают многочисленные народные обычаи – весь тот комплекс различных массовых представлений, веками сложившихся взглядов, привычек. Недаром национальные традиции считаются часто самой основой потенциальной духовной мощи народа. Там, где сильны все те мировоззрения, которыми жили длинные ряды поколений предков, там немислимы никакие социальные пертурбации.

Своими большими широко развитыми системами обычаев, традиций взглядов богат и весь гигантский мир Азии. У каждого азиатского народа – и у горцев Афганистана, среди хмурых скал и долин, и у веселых джаванцев, нашедших себе приют на чарующих землях Южных морей, и у редких се-

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Монгольские девушки на состязаниях», «Высокий гость – главный лама», «Конные состязания», «Вновь сооруженные "обо"».

верных тунгусов, и у необъятных масс индийского народа – у всех есть что-то сугубое свое, что-то уходящее глубокими корнями в самые недра их душ, что-то милое и любезное их сердцу из области этих мировоззренческих систем. Очень многое из силы традиций можно понять, наблюдая жизнь как раз именно некоторых из народов Азии. Знаменитая кастовая система Индии, эта почти нигде невиданная больше в мире совокупность перегородок в населении, превратившая гигантский индийский народ в величественное и грозное многоэтажное здание, с его усиливающейся по мере поднятия кверху культурой – она одна явила миру всю громадную силу обычая... И разве не на силе все тех же традиций, и обычаев, заменяющих для них ту грудю законов, которыми обставляют свою жизнь европейцы, покоится вся устоявшаяся тысячелетиями жизнь китайского народа?

У каждого азиатского народа есть свои оригинальные, исполненные часто красочным своеобразием обычаи. Есть они и у живущих своей во многом обособленной жизнью монголов. Подобно многим обычаям других народов, различные монгольские представления имеют свою связь с практическими нуждами народа.

Очень интересен и любопытен в этом отношении монгольский праздник «обо». Его происхождение теряется где-то в далеком прошлом народа, но источник его возникновения ясен до сих пор. «Обо» – нечто вроде священного памятника, воздвигающегося в некоторых местах бескрайней степи и служащего, прежде всего, предметом поклонения, а попутно – и средством для указания пути в однообразной степной равнине, переходящей местами в пустыню. По ним, по этим памятникам, путники в Монголии не раз получают возможность найти правильный путь, а иногда и спасение среди безводных и пустынных равнин. Чуткие к условиям собственной страны, монголы свято чтут и ценят сооружения «обо». Периодически они устраивают в их честь особые праздники, во время которых отдают дань признания их большой важности, признания, переходящего в полурелигиозное почитание. Сответствующим торжеством обставляется и сооружение нового «обо». На каждое такое торжество стекаются массы народа и прибывают высокие лица. Различными церемониями обставляются эти торжества, переходящие затем в веселые празднества с гуляниями, играми, состязаниями.

Здесь мы приводим ряд снимков, сделанных во время торжества в монгольском аймаке¹ Уланчап по случаю завершения сооружения «обо».

<Б.п.>

Опубл. и печ. по: Рубеж. 1944. № 24. С. 5.

¹ *Аймак* – административная единица у монгольских народов.

КИТАЙ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА: П.В. ШКУРКИН И ЕГО «ГОРОД ХУЛАНЬЧЭН»¹

И.А. Дябкин

Павел Васильевич Шкуркин (1868–1990) – известный дальневосточный писатель-эмигрант, путешественник, ученый-синолог, член Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), редактор (1916–1917 гг.) и соредактор (до 1927 г.) журнала «Вестник Азии». Постоянным источником вдохновения для писателя всегда был Китай. Окончив 3-е Александровское военное училище, в котором, кстати, он учился на класс старше А.И. Куприна, молодой офицер Павел Шкуркин отправляется на Дальний Восток, где в 1893 г. он женится и становится приставом Верхне-Уссурийского участка. Свою писательскую карьеру П.В. Шкуркин начал как этнограф и фольклорист, составляя дневниковые записи о быте, обычаях и традициях жителей Уссурийского края, записывая народные песни и предания. В 1894 г. П.В. Шкуркин отправляется в путешествие по Приморской тайге – как приказчик, своим долгом он считал вести борьбу с хунхузами. Проводником Шкуркина по дебрям приморской тайги выступил брат знаменитого Дерсу Узала – Степан. Первый опыт опасного путешествия писателя по тайге способствовал пробуждению интереса к изучению жизни, традиций, обычаев и языка китайцев².

Узнав, что во Владивостоке открылся Восточный институт, Павел Шкуркин, вопреки уговорам товарищей, пишет прошение: «Заинтересованный изучением края и культурой инородческого населения, я – насколько позволяла мне обособленная жизнь человека, выброшенного в места, удаленные от жизненных центров, – изучил на практике язык (слабо), обычаи и особенности жизни китайского населения Южно-Уссурийского края, особенно Засучанья, Верхне-Уссурийского и Ольгинского участков. Чувствуя, что без солидного посредства и руководства при изучении жизни и языка инородцев мои знания навсегда останутся недостаточными, я хочу дополнить их в

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда. Тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

² О художественном освоении этнокультурных обычаев и уклада жизни китайцев, например: Забияко А.А., Дябкин И.А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. Пенза-Прага, 2011. С. 170–181; Забияко А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 463 с., илл. С. 242–283.

учебном заведении...»¹. С 1899 г. он становится вольнослушателем китайско-маньчжурского отделения Восточного института.

«Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии»² – это первая научная работа П.В. Шкуркина, ставшая результатом неоднократных поездок по Китаю и Маньчжурии; это первый большой труд, однако, уже в нем образы Китая и китайцев переданы через восприятие ученого-востоковеда, взывающего путешественника и вдохновенного писателя. Жанр произведения определен самим автором в заглавии: «очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии». Стоит отметить, что первый опыт этнографических очерков писателя коснулся не только «исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» – в книге Шкуркина содержатся редчайшие сведения о культурных и религиозных традициях жителей дальневосточного фронта.

К сожалению, «Город Хуланьчэн» является библиографической редкостью. Впервые книга была издана 1904 г. с фотографиями и картами, составленными самим автором. С тех пор «Город Хуланьчэн» не переиздавался. Первоначальный замысел книги должен был включать и рисунки автора, однако, как указывает автор в заключении книги, «Прилагаемые рисунки не могли быть помещены вследствие типографских затруднений. По той же причине пришлось выпустить все китайские иероглифы, ограничившись лишь их русской транскрипцией»³. В настоящей публикации приводятся отрывки из первого труда П.В. Шкуркина, которые послужат ценным материалом для исследователей разных отраслей гуманитарного знания – историков, филологов, религиоведов и др.⁴.

ГОРОД ХУЛАНЬЧЭН (отрывки) **П.В. Шкуркин**

Хуланьчэн и его округ играют наивыдающуюся роль в экономической жизни Маньчжурии⁵. Время основания Хуланьчэна точно неизвест-

¹ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. №3. С. 153.

² Шкуркин П.В. Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии. Никольск-Уссурийский, 1904. 94 с.

³ Шкуркин П.В. Город Хуланьчэн. Указ. изд. С. 94.

⁴ При публикации нами была допущена минимальная правка, соответствующая современным нормам орфографии и пунктуации.

⁵ Городок Хуланьчэн (Хулань-чэнь) был расположен по линии КВЖД на расстоянии приблизительно 50 км к северу от Харбина и основан китайскими (маньчжурскими) переселенцами.

но. В «Хэй-лун-цзяне шу-ляо»¹ говорится, что «в 1682 г. были передвинуты на север войска с семьями из Гирина и Нингуты, причем в Хайларе, Бутхе и Хуланьчэне размещены китайские войска». Между тем в «Записках Маньчжурского народа» (изданных в 1739 г., но составленных несколько лет раньше), где подробно перечислены все города и поселки, в которых размещались войска и все вновь образованные по той или иной причине поселения, – о Хуланьчэне нигде не говорится ни одного слова; хотя относительно близ лежащего города Бодунэ, по тому же сочинению, можно с точностью выводить, что он был основан 31 мая 1692 года на землях Сибо, Гуальча и Дахуров для развития в крае земледелия и снабжения войск хлебом. <...>

Гораздо большего внимания заслуживает указание стариков, живущих в Хуланьчэне, что этот город основан в 13-м году правления Юн-чжэна (1735 г.) на месте пришедшей в упадок деревушки Хулань-токео, бывшей Хулань-хада, основанной Дэрибухэ-мэфа-Да-Хуаньди (родоначальник современной Маньчжурской династии). <...>

Маньчжуры здесь до такой степени слились с китайцами, что их нельзя отличить с первого взгляда. Часто встречается типичный по наружности маньчжур – с удлинённым овалом лица, прямыми глазами, тонким, горбатым носом, с почти незаметными скулами, здоровым румянцем на щеках и сравнительно густой растительностью на лице и, к удивлению, узнаешь от него, что он не маньчжур, а китаец. Вообще, для стороннего наблюдателя между маньчжурами и китайцами в настоящее время почти нет никакой разницы, тем более, что те и другие говорят одним и тем же языком, носят один и тот же костюм и т.д. Но стоит только подольше пожить среди них, приглядеться к их обстановке и быту, – как разница между двумя народностями, – маньчжурами и китайцами, – выступит довольно рельефно. Начнем хотя бы с языка: у маньчжуров до сих пор в китайском языке находится много маньчжурских слов; например, если они говорят про своего отца, то они не называют его «дэ» – тем словом, которое употребляет китаец «минь», т.е. простой народ; взамен всего он скажет «оды ама» – мой отец ама, чистое маньчжурское слово – «отец», слугу будут называть «гошиха», «гочика», что по-маньчжурски значит «телохранитель», костюм маньчжурской женщины до сих пор отличается от такого же у китайки. Обряды при совершении похорон, свадеб и т.п., – национальные, резко отличающиеся от китайских. Все это говорит в пользу того, что маньчжуры до сих пор еще не вполне слились с китайцами, чему препятствует национальная гордость и то сознание, что император –

¹ «Хэй-лун-цзяне шу-ляо» годом основания города Хуланьчэна как центра управления считает 12-й год Юн-чжэна (Прим. П.В. Шкуркина).

маньчжур. Мы уже не говорим о тех юридических законах, которые резко обособляют маньчжуров от китайцев.

Отношения между маньчжурами и китайцами не отличаются дружелюбием: маньчжуры, считая себя высшей расой, позволяют себе всячески обижать китайцев-поселян. На это обращали внимание цзян-цзюни, но добиться благоприятного решения этого вопроса было, конечно, очень трудно. <...>

Несмотря на привилегированное положение маньчжуров, маньчжурский язык, здесь, в Хуланьчэне, почти забыт. Из живущих в Хуланьчэне нескольких тысяч маньчжуров, только один умел говорить по-маньчжурски, да и тот только на время приехал из Цицикара. Грамоты маньчжурской не знает никто; в городе нет ни одной маньчжурской книги. На вопрос о них книжные торговцы говорят: «Да кому они нужны!».

Конечно, недалеко то время, от которого остается только воспоминание, что маньчжуры были здесь когда-то хозяевами. Об этом будут напоминать, вероятно, еще долго так называемые «амабан-токео» или, по-китайски, «гуань-тин». Это, как показывает само название, – казенные поселения, в состав которых раньше входили одни только маньчжуры. Поселения эти были образованы еще прежде самого Хуланьчэна – одновременно с г. Бодуна, который служил тогда центром казенных селений <...>

Отношение населения к русским – добродушное, служилый же класс держится замкнуто и враждебно; будучи с виду вежливым и предупредительным, он всячески старается, где можно, вредить русским. Примером может служить хуланьчэнский фудутун¹ Го. Осенью 1901 г. г. Аникин, владелец и капитан парохода «Аскольд», желая завязать торговые сношения с г. Хуланьчэном, рискнул подняться вверх по Хуланьхэ² и дошел до Хуланьчэна, но у него вышли все дрова. Когда он попробовал купить дрова в городе, то был удивлен тем, что торговцы ни за какие деньги не хотели продать ни одного полена. г. Аникин отправился к фудутуну с просьбой посодействовать приобретению дров и получению грузов, но фудутун приказал ему немедленно убратся с пароходом из города. Аникин указал на невозможность выполнения его приказа вследствие отказа продать дрова. «Хорошо», – сказал фудутун, – я разрешу продать Вам дрова, но лишь для того, чтобы Вы убрались отсюда <...>.

Простой народ и купцы в общем относятся к русским доброжелательно, из европейцев же они более уважают и считают самыми сильными – французов. О причине этого явления коснемся дальше.

Народ (как китайцы, так и маньчжуры) ненавидит свое правительство и ждет не дождется, когда во всей стране будет введено русское

¹ Фудутун (термин китайского происхождения) – назначенный наместник; начальник.

² Хуланьхэ – левый приток реки Сунгари (наряду с Нонни).

управление, а что это непременно будет так – он не сомневается. Не думаю, чтобы китайцы в разговорах со мной выражали бы эти чувства только лишь из одной любезности, потому что, спрашивая у меня, правда ли, что русские теперь хотят возвратить Маньчжурию, и узнав, что это действительно так, – все ремесленники и купцы искренне огорчились и говорили: «Что теперь делать? Совсем заело нас маньчжурское начальство!». А один офицер, маньчжур, наоборот, выражал свою радость по поводу этого «справедливого», как он говорил, «поступка России». Некоторые маньчжуры, не находившиеся на службе, приписывали все зло развращающему влиянию окружающих двор китайских сановников и вообще китайской цивилизации, – говорили, что у многих из них считается единственным средством для избавления от всех зол – это «вырвать» императора из Пекина, привезти его в Мукден и не пускать на север, на Великую стену ни одного китайца, великие идеи первых императоров – покорить Китай – погубили маньчжуров и теперь, чтобы маньчжуры не исчезли с лица земли – необходимо отделение Маньчжурии от Китая, пусть он идет своей дорогой, а для Маньчжурии (конечно, под покровительством России, в первое время) только тогда и могут вернуться золотые дни времен Тайцао и Тай-цзуна, Шунь-чжи и Кан-си.

К стоящим теперь в разных пунктах русским войскам относятся очень хорошо. Говорят, что в первое время, когда край был только что занят нами, солдаты обижали женщин, теперь же жалобы раздаются только на железную дорогу, а именно – на западный участок. По словам китайцев, рабочих бессовестно обсчитывают, особенно много злоупотреблений при определении качества грунта, за средний грунт платят как за мягкий, за твердый – как за средний, так что рабочим приходится получать вдвое и втрое меньше условленной платы.

Огромную роль в этих неурядицах играют китайцы – рядчики. Из них нет почти ни одного, которых бы под тем или другим предлогом не удерживал деньги с рабочих, сваливая вину на инженеров, артельщиков железной дороги или русских крупных подрядчиков.

Еще хуже обстоит дело с переводчиками. Контингент их набирается, преимущественно, из бывших слуг, выгнанных приказчиков, бывших слуг, чернорабочих и т.п. китайских отбросов, побывавших в России и выучившихся нескольким русским фразам. Не говоря уже об их недобросовестности, они часто только в силу своего незнания русского языка неправильно переводят рабочим распоряжения железнодорожных агентов или придают им чисто китайскую мотивировку и оценку. В результате – недовольства, забастовки, волнения и даже убийства, произведенные якобы хунхузами.

Отношения между китайцами-хозяевами и служащими кажутся поистине удивительными. Я ни разу не только не слышал грубого окрика или брани, но даже все приказания отдаются распорядителями в виде совета, спокойно, с улыбкой; даже в виду явной небрежности (весьма, впрочем, редкой) кажется, будто так и должно быть, потому что хозяин никогда не сердится, не выказывает раздражения. Голоса возвышаются только под влиянием ханшина, которого выпивается большое количество (благо 1 фунт стоит всего 8 копеек), но только после трудового дня, на сон грядущий; но ссор все-таки нет.

Несмотря на существующее в Китае рабство, фактических рабов в Маньчжурии нет, и человека здесь нельзя купить, потому что, по словам китайцев, «людей здесь еще мало, в Шаньдуне и других местах можно купить сколько угодно». Единственное различие рабов от свободных – это недопущение первых к государственным экзаменам; но с другой стороны, многие «рабы» могут доказать, что их фамилии уже четыре поколения, как избавились от рабского состояния, – и в таком случае они делаются вполне правоспособными.

<...>

Если не географический, то экономический центр всего округа, к которому тяготеет все население, – город Хуланьчэн. Трудно сказать, почему при постройке города выбор пал на его теперешнее положение, которое не имеет решительно никаких преимуществ перед другими местами в Хуланьхэ и Сунгари. <...> Город раскинулся приблизительно в пространстве 13 квадратных и представляет из себя одну длинную, более 4 верст длиною, довольно широкую, главную улицу, упирающуюся одним концом в реку Хуланьхэ (через которую в этом месте ходит паром), а продолжением другого ее конца будет большая дорога в Баян-сусу. Вся улица с обеих сторон состоит сплошь из магазинов, лавок всевозможных мастерских, гостиниц и т.п. Когда подъезжаешь к городу со стороны Харбина, то еще с другой стороны – правого берега бросается в глаза оригинальная китайская красота этой улицы.

Бросаются еще в глаза вывески в виде отвесно висящих качающихся досок. В самых же богатых магазинах вывеска делается из двух гигантских плоских брусьев, поставленных на улице по бокам магазина; верхушки их покрываются точеной шапкой из белого металла, а низ укрепляется между двумя каменными плитами, врытыми в землю. Такая вывеска стоит здесь до 500 рублей штука.

<...>

Почитание усопших, возводимое в культ китайцами, относится у них лишь до почивших родственников; вообще же к смертным останкам китайцы не так почтительны, как принято думать, а скорее относятся к ним с

невниманием. За городом, с северной стороны есть овраг, образованный разливами Хуланьхэ, за оврагом расстилается поле, а по самому краю его идет тропинка и около нее поставлено много гробов. В одном отвалилась доска, а внутри него ничего нет – вытащили собаки. Другой гроб совсем развалился, и скелет, с высохшими мускульными волокнами и большими лоскутами кожи, валяется посреди тропы, ступней и кистей нет, небольшой череп лежит около досок гроба, в стороне. Китайцы ходят кругом и смеются, мой проводник отошел шагов на 20 в сторону и зажимает нос, уверяя меня, что «пахнет», хотя и пахнуть тут было нечему.

<...>

Каждый дом, не предназначенный для торговли, устраивается следующим образом: вся усадьба обязательно обносится стеной; у богатых стена кирпичная, сверху часто узорчатая, а у бедных – из сырцового или саманного кирпича и обмазана глиной с рубленой соломой, иногда же – просто глинобитная. Последняя, конечно, самая непрочная, но все-таки простаивает, если аккуратно сделана, лет 7–8; у многих усадеб по углам стоят четыре будки, или башни, с окнами в виде бойниц, откуда караульные по ночам должны осматривать все четыре фаса и предупреждать появление хунхузов.

<...>

Самая большая и самая красивая кумирня – Лао-е-мяо – находится не на главной, а на параллельной ей улице. Перед воротами стоят два каменных льва, а около них почти всегда одна или несколько групп людей, сидящих на корточках: это идет игра в кости. По бокам ворот две башни; крыши на воротах, башнях и главном здании – из очень красивой, цветной черепицы; стиль – какая-то смесь индийского, китайского и древнерусского. По краям крыши и на всех выступающих углах привешены желтые колокольчики, которые, качаясь от ветра, издают мелодичный звон. Внутри главных ворот, открывающихся только в праздники, справа и слева, стоят две огромные фигуры (ма-тун) воинов, державших под уздцы оседланных лошадей. Далее открывается первый квадратный, очень чистый и красивый коридор, на котором стоят две черепахи, с поставленными на их спинах каменными плитами с начертанными на них иероглифами: фынь-чжи. Поставлены они были в 25 году правления китайского императора Гуань-суй¹, т.е. в 1900 году. Слева и справа от этого двора стоят две красные

¹ Гуань-суй (Гуаньсуй) – Айсиньгёро Цзайтянь (кит. trad. 愛新覺羅·載湉; 14 августа 1871–14 ноября 1908), правивший под девизом «Гуансуй» (кит. trad. 光緒; 25 февраля 1875–14 ноября 1908) – предпоследний император империи Цин. В период его правления власть фактически находилась в руках его тётки и приёмной матери – вдовствующей императрицы Цыси, которая пресекла реформаторские начинания Гуансуй – проект умеренных «Ста дней реформ» в 1898 году, целью которых было преобразовать империю по образцу японской революции Мэйдзи. В ходе этих реформ Гуансуй основал, в частности, Императорскую выс-

фанзы, теперь там живет сторож и находятся закрома с зерном. Возле переднего входа стоит чугунный, сажени полторы, изящный треножник (сянь-дзинь). Перед ним стоит на земле обыкновенная кухонная чаша, в которой на самом деле и сжигаются курительные свечи. Слева – кумирня Бай-шень и Хый-шень (белого и черного духов). Передняя часть двора приподнята, и на этом возвышении выстроена главная кумирня, состоящая из трех отделений. В среднем возвышении, посередине возвышается статуя самого Лао-е¹, а по бокам его 8 статуй: Ху-бана, Гуань-сина (с мечом), Вань-фу, Гуань-нина, Чжоу-цана, Чжай-лей, Чжань-бо (с мечом) и Лао-хуа (с копьем).

В левом отделении – чернобородая статуя с золотым лицом, Ньювана², т.е. коровьего князя. Обе стены расписаны масляными красками; это бесчисленные сражения и большинство воинов поражается струями воздуха из уст какого-либо героя, есть летающие ножницы и т.п. чудеса.

шую школу – Пекинский университет. После переворота, устроенного Цыси, император жил под домашним арестом в пекинском Запретном городе; указом вдовствующей императрицы он был объявлен недостойным сана. Европейские державы продолжали признавать его царствующим государем; формально его царствование и эра продолжались до конца его жизни, многие оппозиционеры и эмигранты планировали вернуть его к реальной власти. В 1901 во время ихэтуаньского («боксерского») восстания против европейцев Гуансюй и Цыси были эвакуированы из Пекина в Сиань в гражданской одежде. Гуансюй умер в своём павильоне в Запретном городе за день до Цыси; ходили слухи, что она, почувствовав, что умирает, приказала его отравить, хотя молодой император был давно болен туберкулёзом. В 2008 году китайские исследователи опубликовали материалы исследования останков, согласно которым Гуансюй действительно отравили мышьяком.

¹ *Лао-е (Гуан-ди, Гуан-лао-е)* – под этим именем в Китае канонизирован китайский генерал III в. по Р. Х. Гуан-юй, известный своей преданностью законной династии из дома Хань. Настоящая династия признала его своим гением-хранителем. Китайцы, тибетцы и монголы, а за ними и европейские исследователи считают его за одно лицо с тибетско-монгольским легендарным богом-героем Гэссэр-ханом, которого тибетцы прямо назыв. богом войны. Почитание Гуан-ди распространилось и в Маньчжурии, надо думать, еще при минской династии. В настоящее время храмы его встречаются в Маньчжурии всюду: и в городах, и в деревнях. Особенно часто эти храмы устраиваются на перевалах и на вершинах гор; оттого в Маньчжурии многие хребты и перевалы, а за ними и деревни около них, носят имя Гуан-лао-е (Лао-е-лин, Лао-е-мяо). Изображается он или в виде императора, на троне, в зеленой шелковой одежде, с двумя приближенными, или верхом на лошади, в полном вооружении. Главной особенностью его храмов служат два конюха (ма-тун), ведущие в поводу двух оседланных разномастных лошадей и помещаемые почти всегда в особом воротном здании.

² *Нюван – 牛王* – Князь волов, Бао-ню да-ван (Великий князь охранитель волов), Ню-лань да-ван (Великий князь воловьего загона), в китайской народной мифологии бог-покровитель крупного рогатого скота. Считалось, что он предохраняет волов и коров от эпизоотии. Согласно одной из традиций (уезд Мисянь пров. Хэнань), Ню-ван по происхождению был ученым, жившим в XIII в. в конце дин. Сун. Будучи разоренным и лишенным привычных занятий вследствие установления монг. династии Юань (с 1271), он, став земледельцем, никогда не бил своего вола, на котором пахал.

В правом отделении – трехглазая статуя с золотым лицом Ма-вана¹, т.е. лошадиного князя. Обе стены тоже расписаны; на левой – картины, сравнительно мирного содержания: похищение двумя богатырями двух женщин из города, над которым сражаются в облаках два духа, перед судилищем с бородатым судьей в желтой одежде, лежат ничком два человека со связанными голыми ногами и их бьют по ахиллесовым сухожилиям – кровь льется; парад, почетная стража с тигровыми щитами и т.п. На правой стене конные отряды, которые идут в атаку.

Кумирня Лао-мяо считается конфуцианской, 5-го июня (13-го числа 5-го месяца) был праздник Лао-е-хуй, т.е. встреча Лао-е, и хлопушки начали греметь от сан-дина, и до главной кумирни поставили в два ряда 42 штуки деревянных, позолоченных и серебряных бердышей, копий и мечей. Этот день, так сказать, – только преддверие праздника, который наступает 7-го июня, тогда в кумирню пожалует сам фудутун в 4 часа утра для воскурения фимиама; никого, кроме приближенных чиновников, туда не пустят. Простой народ чтит 5-е число больше, чем 7-е, поэтому в этот день народ толпится в кумирне. Большинство ведет себя так, как мы в картинной галерее или в музее: ходит, рассматривает, щупает, курит, плюет. Вот пришел старик лет 70-ти, держа в руках куклу величиной $\frac{3}{4}$ аршина, одетую в шелковое платье и шапочку. Держа ее перед грудью, он совершил Цзо-и (поясной поклон) перед главной статуей Лао-е, затем зажег пучок курительных свеч у горящей перед божеством красной свечи, выйдя из кумирни с пылающим пучком и куклой в руках, он стал перед сан-ди-ном посреди двора; затем сделал Цзо-и поднял у куклы спереди платье. Кукла внутри оказалась соломенной, а голова – бумажная, искусно разрисованная. Затем старик поджег куклу между ног курительными свечами и положил ее вместе со свечами в чашу, стоящую перед дином. Кукла пылала, старик делал Цзо-и, а наблюдавший эту сцену какой-то китаец подкурил об пылающую куклу свою трубку и продолжал смотреть. Все это делалось совершенно спокойно, никакого энтузиазма или религиозного увлечения. А кажется, что старик молился о самом важном, что есть у китаец, что дороже жизни: о даровании потомства своему сыну, потому что с прекращением его рода некому будет приносить жертвы его предкам...

В этот день перед воротами Лао-е-мяо и Нянь-нянь-мяо² продается масса соломенных кукол мальчиков, девочек, коней и коров. Покупают их

¹ *Ма-ван* – Ма-ван («князь лошадей») – в китайской народной мифологии бог-покровитель лошадей. Ма-ван считался воплощением созвездия Фан, которое, согласно астрологическим воззрениям, вершит судьбы коней. Ма-вана почитали военные (всадники) и хозяева, державшие лошадей.

² *Нянь-нянь-мяо* – храм (кумирня) деторождения, буквально: детская кумирня (*нань-нань* – вост. диал.: ребенок, дитя).

больше женщины, приходящие толпами в праздничных платьях, со множеством цветов и украшений в волосах.

Обычай приносить в жертву куклы людей указывает на то, что в древности приносились божеству в жертву люди, точно также, как погребать с умершими изображения домашнего обихода.

В этот день, 13-го числа 5-го месяца обязан вечером в парадном платье и летней мандаринской шляпе (если не мандарин, то шляпа без шарика) прийти в домашнюю кумирню и совершить поклонение перед богами, которых бывает обыкновенно 5. Сначала хозяин делает Цзо-и перед каждым богом и зажигает пучок курительных свеч, и опять Цзо-и; то же делает перед стоящим в стороне жертвенником домашних духов-предков. Затем прислужник кладет перед правым богом маленький ковер, и хозяин делает на нем три раза ка-тоу (земной поклон); ковер передвигается к другому боку и ка-тоу делается 6 раз, среднему богу – Лао-е – 9 раз; 4-му – 6 раз, 5-му – 3 раза, домашним духам – 3 раза. Если хозяин куда-либо ушел, хотя бы в гости, то всю эту процедуру, в том же порядке, проделывают старший родственник или просто приказчик, и часто весьма небрежно (как мне пришлось наблюдать), уменьшая число ка-тоу.

Кумирню выстроил император Цянь-лун (1736–1796) ¹<...>

¹ Император Цян-лун – Айсиньгёро Хунли (кит. 爱新觉罗 弘历; 25 сентября 1711 – 7 февраля 1799) – шестой маньчжурский император династии Цин. В течение 59 лет (1736–1795) правил под девизом «Цяньлун» (Непоколебимое и славное) (乾隆). Четвёртый сын Айсиньгёро Иньчжэня, правившего под девизом «Юнчжэн».